

УДК 811.112.2: 801.313

А. Н. Беляев

ББК 81. 2 Нем

Доцент, кандидат филологических наук

+ 81–3*81.2

ОНИМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА В СВЕТЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Статья посвящена рассмотрению онимической системы с позиций современной теоретической лингвистики. Рассматривается аспект функционирования *номены*, отвлечённой от конкретных вариантов имени собственного единицы, которая обуславливает функционирование онимической системы, являясь эмической единицей языка. Реализация вариантов номены в письменной или устной речи осуществляется посредством её аллономем. Номена позволяет скорректировать отдельные системные связи между онимами, не выявляемые обычными методами.

Ключевые слова: имя собственное, апеллятив, ономастикон, номена, вариант имени собственного, модель онимического знака.

A. N. Beliaev

Associate professor, Ph.D. in philology

ONIMIC SYSTEM IN THE LIGHT OF THE LINGUISTIC THEORY

The article is devoted to onimic system from the standpoint of modern theoretical linguistics. Discussed the aspect of the functioning of *nomem*, abstract from specific variations of a name of its own units, which determines the functioning of *onimic* system as *emic* unit of language. Implementation of variants *nomem* in written or oral communication is carried out through its *allonomems*. *Nomem* allows you to adjust the individual system of communication between *onim*, not detected by conventional methods.

Key words: name, appellative, *onomastikon*, *nomem*, own variant of the name, model of onimic mark.

В отечественной и зарубежной лингвистике весьма актуальными стали вопросы исследования онимической лексики, которая представляется исследователям гигантской макросистемой, или системой систем, объединяющей многочисленные системы и подсистемы имён, относящихся ко всем секторам ономастического пространства в их преломлении в речи отдельных (территориальных, профессиональных) групп, пользующихся данным языком. Эти вопросы получили фундаментальное освещение в трудах А. В. Суперанской и были предметом работ Э. М. Мурзаева, А. К. Матвеева, В. Н. Топорова, Ю. А. Карпенко, Э. Эйхлера, К. Хенгста и др.

Говоря о разработки данной проблематики применительно к ономастической системе немецкого языка, обслуживающей немецкую нацию ФРГ, австрийскую и большую часть (немецкоязычные кантоны) швейцарской нации, следует отметить, что зарубежными и отечественными германистами

успешно исследуются национально детерминированный характер ономастики, своеобразие её социально-функционального статуса и принципы взаимодействия с другими подсистемами языка. Оценивая общее состояние немецкой ономастики в исследовании системности онимов, необходимо подчеркнуть, что она переживает в этом отношении период важных теоретических обобщений и конструктивных усилий, направленных на адекватное описание синхронического и диахронического состояния имён собственных немецкоязычных стран. Центральная проблема, на изучение которой обращено внимание зарубежных исследователей, связана с разработкой новых подходов в изучении динамики ономастических систем с присущей ей социально-исторической окрашенностью.

В настоящей статье делается попытка рассмотреть один из таких подходов, а именно, описание онимической системы в эмических и этических терминах и постараться определить, в чём состоит сущность подобной методики описания онимов и что она может дать для системно-структурного исследования имён собственных в целом. В качестве основания для размышления над относительно новым подходом к именам собственным с позиций теоретической лингвистики выбраны взгляды двух видных немецких ономатологов Ф. Кольгейма и К. Хенгста, изложенные в статье «Личные имена, топонимы и лингвистическая теория», которая опубликована в информативном ономастическом журнале «*Namenkundliche Informationen*» [1].

Ссылаясь на исторический ономастикон личных имён В. Зайбике, немецкие исследователи Ф. Кольгейм и К. Хенгст отмечают, что ласкательное имя *Matz* – гипокористика от *Matthäus* и *Matthias*, не пользующееся сейчас особой излюбленностью у имядателей, засвидетельствовано в Билефельде в 1985 и 1987 гг. как единичное личное имя. Отмечается также, что частотность употребления мужского звательного имени *Matz* раньше была гораздо выше, чем сейчас. Отчасти наблюдался даже процесс его деонимизации, при котором оно приобретало апеллятивный характер. Это явление подтверждается многочисленными композитами на *-matz*, среди которых наиболее употребительными, пожалуй, являются *Hemdenmatz* ‘малыш в рубашонке’ и *Piepmatz* ‘птенчик’. Анализируя ономастический материал, содержащийся в позднесредневековых грамотах имперского города Регенсбург, немецкие исследователи установили, что в исторической онимической системе между названными именами существовали совершенно другие отношения. Личное имя *Matz* здесь является не ласкательной формой мужских звательных имён

Matthdus или *Matthias*, а гипокористикой женского имени *Mechthild* [1, 17]. Таким образом, рассматривая онимическую систему в диахронии, обнаруживается: 1) *Matz* < *Matthdus* или *Matthias* и 2) *Matz* < *Mechthild*. Следовательно, произошли некоторые изменения связей между элементами системы. Из этого можно сделать немаловажный методологический вывод о том, что ономатолог при анализе онимической системы, удалённой от него на значительный период времени или на значительное расстояние, должен с большой осторожностью оперировать ономастическими фактами, полученными не в результате наблюдения над самой этой системой, а в ходе каких-то допущений или предположений. Конечная цель анализа состоит в том, чтобы описать функционирование ранее неизученной системы, используя при этом те критерии, которые были присущи самим пользователям этой именной системы. Тщательное рассмотрение онимической системы может заострить внимание ономатолога на том, что пользующиеся различными онимическими системами могут по-разному классифицировать варианты имён собственных. Очевидно, что для жителей Регенсбурга онимы *Matz* и *Mechthild* являлись в XIV в. взаимозаменяемыми, т. е. идентичными в функциональном плане. Из этого факта можно сделать предположение о том, что онимическая система должна располагать некой абстрактной единицей, дающей возможность определённой компетентной группе лиц распознавать различные варианты имён как функционально идентичные. Такая отвлечённая от конкретных вариантов имён единица получила в работе Ф. Кольгейма и К. Хенгста терминологическое обозначение *номема* [1, 18]. А реализация вариантов номемы в письменной или устной форме осуществляется посредством её аллонимов. Очевидно, что лишь последние доступны исследователю при изучении исторических источников с целью анализа имён собственных, задача которого состоит в том, чтобы на основании контекста, точнее дистрибуции имеющихся письменных аллонимов, осуществить системное, эмическое классифицирование аллонимов, с последующей инвентаризацией номем. Только после проведения подобной инвентаризации можно проводить статистическую обработку материала, так как классификация вариантов имён на этическом уровне, в основе которой часто лежит этимологический принцип, ведёт при известных обстоятельствах к образованию групп, не оправданных с синхронно-эмической позиции.

Введение в практику ономастического исследования термина *номема* нам представляется очень удачным, поскольку показывает, что облик ономастической терминологии во многом определяется отношением к

понятийному аппарату традиционной лингвистики [2]. Одним из главных принципов ономастической терминологии является построение термина по определённой модели с выделением типовых формантов, из числа которых можно назвать модели «элемент + -оним» (*гидроним*), «элемент + -икон» (*гидронимикон*), «элемент + -ика» (*гидронимика*) и т. д. К отличительным особенностям ономастической терминологии принадлежит использование в ней маркированных элементов-квалитативов, с помощью которых в терминологическое поле ономастики вводятся общелингвистические термины в специализированном ономастическом значении (ср., например, *топооснова*, *антропоформант*) [3, 78].

С другой стороны, предложенный немецкими учёными термин *номема* для выражения обобщённого представления о различных вариантах имени собственного, как нам кажется, позволяет скорректировать отдельные системные связи между онимами, не выявляемые обычными методами. Приведём ещё один пример из Регенсбургских грамот. Календарные дни святых апостолов Матфея (*Matthdus*), предполагаемого автора 1-го Евангелия и Матфия (*Matthias*), избранного вместо Иуды Искарота путём жеребьёвки – время наступления осени и весны (21 сентября и 24 февраля) – связаны издавна с многочисленными народными обычаями. Разумеется, в Регенсбургских грамотах (*RUB*), в которых запись событий проводится по святым праздникам, упоминания о святых апостолах также следуют этим срокам. Например: *RUB I, Nr. 1188, 19. Sept. 1347 [...] dez mitichin vor sand Matheus tag*, *RUB I. Nr. 1170, 22. Febr. 1347: Geschehen [...] dez pfinztags vor sand Matthias tag*. Однако при упоминании о конкретных лицах в тех же самых Регенсбургских грамотах XIV в. эти имена выступают как аллонимы одной номемы, что подтверждается следующими записями: *hern Mathyas dez Wakchers hausfrawe* (a. 1341), *Matheis der Wacher* (a. 1342), *Matheus der Wachker* (a. 1342). Эти примеры относятся к одному и тому же лицу, как и запись *bei Metlein dem Woher* (a. 1345), которая говорит об употреблении в Регенсбурге ласкательной формы *Matz* от *Matthias* или *Matthdus*.

Статус номемы в онимической системе и её реляционные свойства, проявляемые к аллонимам, уточняются в упомянутой работе [1] с позиций когнитивной лингвистики. Со ссылкой на Э. Ханзака языковые знаки определяются как «адресные указатели для доступа к хранящейся в памяти информации». Причём апеллятивы являются указателями доступа к объёму информации об объекте, принадлежащему классу из множества объектов. В отличие от апеллятивов имена собственные являются указателями доступа к информации об объектах, принадлежащих классу из одного элемента.

Очевидно, что аллонимы, реализованные в письменной или устной форме, не могут функционировать в качестве таких адресных указателей. Эта роль выпадает на долю номем. Восприятие аллонимов в ходе речевой деятельности сопровождается их отнесением к соответствующим номемам, которые способны функционировать в качестве адресных указателей, направленных на хранящуюся в нашей памяти информацию об объекте (табл. 1).

Таблица 1

Модель онимического языкового знака (по Ф. Кольгейму и К. Хенгсту [1]).

МЕНТАЛЬНАЯ ОБЛАСТЬ: Номемный уровень: /MARGARETE/ (указатель доступа к объёму информации об онимическом знаке /MARGARETE/, хранящийся в памяти человека)	ОБЛАСТЬ РЕАЛИЗАЦИИ: Аллонимный уровень: Фоноаллонимы: [marga're:tə] ['gre:tə] ['gre:tl] ['gre:txən] [gre:t] [gri:t] Графоаллонимы: <i>Margarete, Grete, Gretel, Gretchen, Gret, Griet</i> (конкретные, индивидуальные звуковые или графические варианты реализации номемы)
--	--

Когда говорящий или пишущий хочет соотнести имя собственное с соответствующим индивидуальным объектом, то ему предстоит, прежде всего, решить, какую аллоформу следует выбрать для реализации своего намерения в устной или письменной речи. Избирательная реализация номемы и превращение её в элементы речевого рода (полная форма имени собственного или краткая, литературный или диалектный вариант)

совершается не спонтанно, а заданно. Между номемным уровнем, т. е. собственно указателем доступа, располагается ещё один абстрактно-ментальный уровень, на котором хранятся различные типы реализации номемы (табл. 2).

Таблица 2

Трёхуровневая модель онимического языкового знака (по Ф. Кольгейму и К. Хенгсту [1]).

МЕНТАЛЬНАЯ ОБЛАСТЬ: Номемный уровень: /MARGARETE/ (указатель доступа к объёму информации об онимическом знаке /MARGARETE/, хранящийся в памяти человека)
Уровень типов реализации: (Margarete) (Grete) (Gretel) (Gretchen) (Gret) (Griet) (литературные или диалектные варианты номемы /MARGARETE/, хранящиеся в памяти человека)
ОБЛАСТЬ РЕАЛИЗАЦИИ: Аллонимный уровень: Фоноаллонимы: [marga're:tə] ['gre:tə] ['gre:tl] ['gre:txən] [gre:t] [gri:t] Графоаллонимы: <i>Margarete, Grete, Gretel, Gretchen, Gret, Griet</i> (конкретные, индивидуальные звуковые или графические варианты реализации типов реализации)

Необходимость рассмотрения их в качестве «типов» вытекает из того, что они не являются произвольными, индивидуальными образованиями отдельно взятого говорящего. По отношению друг к другу, в отличие от принадлежащих системе языка номем, они не находятся в функциональной оппозиции. Так, например, при обращении к одному и тому же лицу номема /MARGARETE/ может быть материализована разными типами реализации: формально-литературным вариантом (Margarete), неформально-литературными вариантами (Grete) (Gretel) (Gretchen) (Gret) и нижненемецкой диалектной формой (Griet). И только после того, как говорящий или пишущий в зависимости от коммуникативной ситуации примет предварительное решение в пользу того или иного типа реализации номемы, она может быть реализована затем как графоаллоним или как фоноаллоним.

Нельзя не отметить, что рассматриваемая здесь модель онимического знака, состоящая из номемы, типа реализации и аллонимов, в определённом смысле соответствует трём уровням у Э. Косериу: системе, норме и речи. Как у Косериу, так и у Ф. Кольгейма и К. Хенгста система содержит только функциональные (значимые) оппозиции, т. е. всё то, что является дистинктивным в языковом использовании, в то время как языковая норма – это совокупность стабильных и унифицированных языковых средств и правил их употребления, не обязательно характеризующиеся как функциональные. Напротив, «речь» представляет отдельно взятую языковую технику, которая реализуется как конкретное говорение [4, 297]. С этим нельзя не согласиться. Однако если мы обратимся к онимической системе, то обнаружим в ней отсутствие нормативности на уровне типов реализации, которую Э. Косериу приписывает языковой норме. В отличие от языковой нормы типы реализации абсолютно равноправны в отношении выбора их употребления, и решение о том, какой тип, смотря по обстоятельствам, должен быть выбран, определяется соответствующей социально определяемой средой, в которой проявляется это выражение.

В языкознании уже давно стали обычными в употреблении термины *морфема* и *алломорф*, *фонема* и *аллофон*. В теоретической ономастике, для которой одной из задач является выработка терминологического аппарата, в чём-то, может быть, отличного от общей лингвистики, ср. [5;6], также вот уже более полувека используются ономатологами термины *графема* и *фонема*. В ономастике часто употребляется и термин *лексема*. В последнем случае имеется в виду единица лексического уровня. Лексема – единица лексикона, или элемент словарного состава языка. В. Фляйшер определяет лексему как

мельчайшую семантическую единицу [Fleischer 1976]. Если лексема является единицей лексикона для *Nomen appellativum*, то в ономастиконе соответствующей единицей для *Nomen proprium* можно считать вслед за Ф. Кольгеймом и К. Хенгстом *номему*.

Номема является единицей системы. Она трактуется как конвенциональное, общепринятое дейктическое номинальное средство референции при индивидуализации или идентификации объекта, находящегося вне языковой действительности [1, 23]. Подобно лексеме словарного состава языка номема является в классе *Nomina propria* просто дистинктивной единицей ономастикона, реализующейся при словоупотреблении в определённый период времени в определённом месте. Номема систематически образуется в процессе порождения и усвоения речевого акта. Закреплённая в сознании механизмами памяти она используется в речевой деятельности всякий раз в её реальном воплощении. При этом происходит опознавание функционально-идентичных форм, аллонимов как потенциальных вариантов для именования денотата.

Таким образом, номема – мельчайшая идентифицирующая единица в системе языка, обозначающая объекты с помощью имени собственного. Например, номема /Seldorf/ воспринимается вследствие этого как оним. Если быть более точным, то как ойконим. Распознавание этой номемы как фамильного онима возможно лишь в тексте в синтаксической форме реализации < Erik Seldorf >. Когда мы говорим о номеме, речь идёт прежде всего о *функциональном единстве* или о способе существования, закреплённом в нашем сознании. Поскольку номемы образуют открытый ряд, тесно связанный с жизненным опытом отдельного человека, следует затронуть вопрос, касающийся отношения между носителем языка и номемой. Так, не всякий пользующийся немецким языком как средством коммуникации знаком с номемами /DORTHE/ /ORTHE/ /URTNE/. И уж вовсе не приходится ожидать, что сегодня носители языка стали бы считать эти три номемы аллонимами номемы /DOROTHEA/, т. е. вариантами реализации этой номемы.

Чем дальше во времени и в пространстве удалён говорящий или пишущий человек от денотата и тем самым от речевого употребления соответствующих форм реализации номемы, тем меньше число употребляемых им при коммуникации фонетических или графических аллонимов. Выбор формы именования денотата зависит от многих факторов. Одним из таких факторов является социальное поле (семья, учреждение и т. д.), положения денотата в социальном поле и положения говорящего. По

В. И. Болотову, эти взаимоотношения могут быть такого рода: 1) равный, 2) старший, 3) младший (в семье по поколению, в обществе по общественному положению, званию, чину). Следовательно, употребление того или иного варианта именования зависит от характера социального поля и социальной значимости денотата, носящего данное имя в этом социальном поле. Норма употребления форм имён легко определяется статистически. Нарушение нормы употребления форм данного имени в данном социальном поле влечёт за собой появление экспрессивности [7, 340].

Итак, функционирующая в онимической системе определённая номема, например, /CHEMNITZ/, на уровне реализации будет представлена в соответствии с различными нормами её употребления разными формами. Если мы имеем в виду город в Саксонии, то для этой номемы обычны аллонимы: (kɛmnids) (kɛms) (rūs-kams). В Саксонии на литературном и разговорном языке используется фонетический аллоним (kɛmnids), в Лейпциге на разговорном языке – (gɛmnids), а в Хемнитце на разговорном языке можно услышать даже (kɛms) и, наконец, на диалекте встречаются (kams) и (rūs-kams). Однако графически изображается топоним только знаками < Chemnitz > и в литературе «областничества», близкой к диалекту, пишут также < Kams >, как и < Kamtz > или < Kamz > и < RuЯkams > [1, 24].

Закономерен в таких случаях вопрос: а) о произношении (ср. в Восточной Германии ойконим *Bernkastel-Kues* или *Coesfeld* или личное имя *Lueg*) или б) о написании (например, ойконим *Wiera* у Глаухау и *Wyhra* у Борны в Саксонии).

Таким образом, основная идея алло-эмического описания онимических систем базируется на вариативности, или вариантности как общем свойстве языковой системы, заложенном в самом «устройстве» языковой системы, как способе существования и функционирования всех без исключения единиц языка. Ономастические единицы обнаруживают при этом специфические черты в пределах каждого уровня. Понятие вариативности имени собственного используется в вышеупомянутой работе немецких учёных как характеристика способа существования и функционирования онимов в синхронии. В этом случае, особенно при изучении фонетической структуры онима, понятие варьирования выступает на фоне понятия инвариантного, неизменного. Здесь термину «вариант» сопутствует термин «инвариант».

Какую же пользу может извлечь ономастика из алло-эмического описания? Этот подход может быть плодотворно использован в следующих случаях: а) при изучении «механизма», «устройства» онимической системы, которое можно назвать вариантно-инвариантным; б) при изучении

функционирования имён собственных и переходе от системы к реализации в речи; в) при исследовании внутриязыковых факторов изменения и развития онимии (варьирование и превращение вариантов в новые сущности); г) при потребности объяснить разный облик форм имени собственного одних и тех же денотатов; д) при социолингвистическом изучении варьирования нормы и использования разных проявлений одних и тех же единиц в стилистических, экспрессивных и нормаобразующих целях. Сказанное, вероятно, не исчерпывает всех случаев, когда возникает надобность прямого обращения к понятию вариативности. Но это, может быть, наиболее важные случаи. Рассмотрение онимических систем в эмических и этических терминах, введение в практику ономастического исследования термина *номема* способствует, по нашему мнению, более глубокому пониманию природы и сущности ономастического языкового знака, определяет его место в системе познавательных средств современной ономастики, требует всестороннего учёта его исходных посылок, эксплицирования его методологических оснований, оказывающих решающее влияние на понимание как самого объекта исследования, так и комплекс эвристических процедур, связанных с системной организацией конкретного ономастического материала. Стремление лингвистов создать ономастическую теорию на основе имманентно присущих именам собственным качеств, свойств, отношений нельзя не оценивать как естественное стремление науки к самостоятельности, как стремление к повышению достоверности и объективности лингвистического знания в области ономастики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kohlheim V., Hengst K. Personennamen, Ortsnamen und linguistische Theorie // Namenkundliche Informationen 85/86. Hrsg. von Ernst Eichler und Dietlind Krüger. – Leipzig, 2004. – S. 17-31.
2. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Наука, 1988. – 192 с.
3. Васильева Н.В. К семантическому и функциональному описанию греко-латинских терминоэлементов в лингвистической терминологии // Вопросы языкознания. – 1983. – № 3. – С. 71-79.
4. Coseriu E. Einführung in die Allgemeine Sprachwissenschaft, 2. Aufl., Tübingen 1992. (= Uni-Taschenbücher 1372).
5. Матвеев А. К. Ономастика и ономатология: терминологический этюд // Вопросы ономастики. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2005. – № 2. – С. 5-10.
6. Гарвалик М. К вопросу о современной ономастической терминологии // Вопросы

ономастики. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2007. – № 4. – С. 5-13.

7. Болотов В.И. К вопросу о значении имён собственных // Восточнославянская ономастика. – М.: Наука, 1972. – С. 333-345.

REFERENCES

1. Kohlheim V., Hengst K. Personennamen, Ortsnamen und linguistische Theorie // Namenkundliche Informationen 85/86. Hrsg. von Ernst Eichler und Dietlind Krüger. – Leipzig, 2004. – S. 17-31.
2. Podol'skaia N.V. *Slovar' russkoi onomasticheskoi terminologii* [Dictionary Russian onomastic terminology]. Moscow, Nauka., 1988. – 192 p.
3. Vasil'eva N.V. To the semantic and functional description of Greek and Latin terminoelements in linguistic terminology. *Voprosy iazykoznaniiia – Problems of linguistics*, 1983, no.3. – pp.71-79 (in Russian).
4. Coseriu E. Einführung in die Allgemeine Sprachwissenschaft, 2. Aufl., Tübingen 1992. (= Uni-Taschenbücher 1372).
5. Matveev A. K. Onomastics and onomatology: terminology etude. *Voprosy onomastiki - Problems of onomastics*, 2005, no.2. – pp.5-10 (in Russian).
6. Garvalik M. To the question of modern onomastic terminology. *Voprosy onomastiki - Problems of onomastics*, 2007, no.4. – pp.5-13 (in Russian).
7. Bolotov V.I. To the question about the meaning of proper names. *Vostochnoslavianskaia onomastika – Eastern-Slavic onomastics*, 1972. – pp.333-345 (in Russian).

Информация об авторе

Беляев Андрей Николаевич (Российская Федерация, г. Уфа) – Доцент, кандидат филологических наук. Башкирский государственный аграрный университет. E-mail: anbelajew@mail.ru

Information about the author

Belyaev Andrey Nikolaevich (Russian Federation, Ufa) – Associate Professor, Ph.D. in philology. Bashkir state agrarian university. E-mail: anbelajew@mail.ru